

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2025 Том 30, №3

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2025

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2025 Vol. 30, №3

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

Barnaul

Publishing house
of Altai State University
2025

СОДЕРЖАНИЕ

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

2025 Том 30, № 3

Раздел I. АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

<i>Бочарова Е. Н.</i> Основные исследовательские подходы к изучению составных пазовых орудий конца палеолита-неолита Евразии.....	7
<i>Марченко Д. В., Хаценович А. М., Рыбин Е. П., Гунчинсуре Б.</i> Распределение находок как отражение природных и культурных процессов (по материалам археологического горизонта 4 стоянки Толбор-4, Северная Монголия)	31
<i>Савельева А. С.</i> Элементный состав металла сопроводительного инвентаря из кургана № 4 могильника Утинка тагарской культуры (по материалам раскопок В. В. Боброва 1974, 1975 гг. в северной лесостепи)	47
<i>Тишкин А. А., Бондаренко С. Ю., Тишкин Ал. Ал. (мл.), Эрдэнэпурэв П.</i> Мемориальные комплексы древних кочевников Внутренней Азии: результаты и перспективы изучения.....	66

Раздел II. ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Ерохина О. В., Захаров В. Ю.</i> «Строгое наблюдение или выселение?»: к вопросу о положении немцев в Петроградской губернии в 1914–1916 гг.	85
<i>Кобец О. В.</i> Новая экономическая политика против белорусизации в 1920-е гг.: Псковская губерния	103
<i>Смирнова Т. Б.</i> Народы Сибири, их численность и динамика в постсоветский период.....	121
<i>Уваров С. Н.</i> Брачное поведение удмуртов по данным микропереписи 1994 г.	142
<i>Черказьянова И. В.</i> Немецкие школы Санкт-Петербургской губернии (Ленинградской области) в XIX — первой трети XX в.: общие закономерности и особенности развития	155
<i>Чернышева Н. В., Ситникова Е. Л., Ажигулова А. И.</i> Этнические меньшинства на территории Сибири и Дальнего Востока в 1939–1959 гг.: основные тенденции воспроизводства	172

Раздел III. РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО- КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Габдрахманова Г. Ф.</i> Образ ислама в официальной риторике и общественных представлениях: сопоставительный анализ на материалах Республики Татарстан	194
<i>Дашковский П. К., Шершнева Е. А.</i> Этнорелигиозный фактор в социально-экономической адаптации мусульманского населения Енисейской губернии во второй половине XIX — начале XX в.	223
<i>Чеджемов С. Р.</i> Государственно-конфессиональные отношения на Кавказе в XIX — начале XX вв.	238

ДЛЯ АВТОРОВ	257
--------------------------	-----

CONTENT
NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA
2025 Vol. 30, № 3

Section I. ARCHAEOLOGY AND ETNO-CULTURAL HISTORY

<i>Bocharova E. N.</i> The principal approaches to the study of composite slotted tools in the Late Paleolithic-Neolithic of Eurasia	7
<i>Marchenko D. V., Khatsenovich A. M., Rybin E. P., Gunchinsuren B.</i> Distribution of finds as a reflection of natural and cultural processes (evidence from archaeological horizon 4 of the Tolbor-4 site, Northern Mongolia)	31
<i>Savelieva A. S.</i> Elemental composition of the metal of the accompanying inventory from the burial mound No. 4 of the Utinka burial ground of the Tagar culture (based on the materials of the excavations of V. V. Bobrov in 1974, 1975 in the northern forest-steppe)	47
<i>Tishkin A. A., Bondarenko S. Yu., Tishkin Al. Al. (Jr.), Erdenepurev P.</i> Memorial complexes of ancient nomads of Inner Asia: results and prospects of study	66

Section II. ETHNOLOGY AND NATIONAL POLICY

<i>Erokhina O. V., Zakharov V. Yu.</i> "Strict supervision or eviction?": toward a question of the situation of germans in Petrograd province in 1914–1916	85
<i>Kobets O. V.</i> New economic policy against Belarusization in the 1920s: Pskov province	103
<i>Smirnova T. B.</i> Nations of Siberia, their number and its dynamics in the post-Soviet period	121
<i>Uvarov S. N.</i> Marital behavior of the Udmurts according to the 1994 microcensus	142
<i>Cherkazyanova I. V.</i> German schools of St. Petersburg province (Leningrad region) in the XIX — first third of the XX century: general regularities and peculiarities of development	155
<i>Chernysheva N. V., Sitnikova E. L., Azhigulova A. I.</i> Ethnic minorities in Siberia and the Far East in 1939–1959: the main trends of reproduction	172

Section III. RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS

<i>Gabdrakhmanova G. F.</i> The Image of Islam in Official Rhetoric and Public Representations: A Comparative Analysis Based on Materials from the Republic of Tatarstan	194
<i>Dashkovskiy P. K., Shershneva E. A.</i> The ethno-religious factor in the socio-economic adaptation of the Muslim population of the Yenisei province in the XIX — early XX centuries	223
<i>Chedzhemov S. R.</i> State-confessional relations in the Caucasus in the nineteenth and early twentieth centuries	238

FOR AUTHORS	257
--------------------------	-----

УДК 94 (470.51=511.131) «1994»:392.5

DOI 10.14258nneur(2025)3–08

*С. Н. Уваров**Удмуртский государственный аграрный университет, Ижевск (Россия)*

БРАЧНОЕ ПОВЕДЕНИЕ УДМУРТОВ ПО ДАННЫМ МИКРОПЕРЕПИСИ 1994 Г.

В статье рассматривается брачное поведение у удмуртов Удмуртии по данным микропереписи 1994 г. Она зафиксировала первые промежуточные результаты радикальных рыночных преобразований. Традиционно микроперепись содержала блок вопросов, посвященных брачности, дающих представление, в том числе, о брачном поведении населения. При этом данный перечень был расширен, учитывались новые брачные состояния. Впервые велся учет незарегистрированных браков. Еще раз, как и во время предыдущей микропереписи, в программу включен вопрос о повторных браках. Для исследователей это открывает возможность более детально изучить брачное поведение. В статье перечислены его элементы, но делается оговорка, что основное внимание сосредоточится на брачном состоянии.

На основе материалов микропереписи 1994 г., которые не опубликованы, проводится анализ брачного состояния удмуртского населения в сравнении со всем населением Удмуртской Республики. По ряду показателей в 1994 г. брачное состояние у удмуртов было лучше. Например, выше была доля состоящих в браке, меньше был удельный вес разведенных и разошедшихся, удмурты реже вступали в повторные браки в сравнении со всеми жителями Удмуртии. Правда, среди удмурток было больше вдов, чем у женщин республики. Среди причин — сохраняющиеся для старших поколений последствия Великой Отечественной войны, а также повышенная смертность удмуртских мужчин. Полученные данные свидетельствуют о том, что зарегистрированный брак у удмуртов обладал высокой ценностью, доля сожительства была невысокой. Статистические сведения позволяют сделать однозначный вывод о большей крепости института брака у удмуртов.

Ключевые слова: удмурты, микроперепись 1994 г., брачное поведение, брачное состояние, зарегистрированные браки, сожительства, повторные браки

Цитирование статьи:

Уваров С. Н. Брачное поведение удмуртов по данным микропереписи 1994 г. // Народы и религии Евразии. 2025. Т. 30, № 3. С. 142–154. DOI 10.14258nneur(2025)3–08.

Уваров Сергей Николаевич, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин Удмуртского государственного аграрного университета, Ижевск (Россия). **Адрес для контактов:** sergey.uvarov@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6451-9245>.

S. N. Uvarov

Udmurt State Agrarian University, Izhevsk (Russia)

MARITAL BEHAVIOR OF THE UDMURTS ACCORDING TO THE 1994 MICROCENSUS

The article examines the marital behavior of the Udmurts of Udmurtia according to the 1994 microcensus. It recorded the first intermediate results of radical market reforms. Traditionally, the microcensus contained a block of questions devoted to marriage, giving an idea, including about the marital behavior of the population. At the same time, this list was expanded, new marital statuses were taken into account. For the first time, unregistered marriages were recorded. Again, as during the previous microcensus, the program included a question on remarriages. For researchers, this opens up the opportunity to study marital behavior in more detail. The article lists its elements, but makes a reservation that the main attention will be focused on marital status.

Based on the unpublished data from the 1994 microcensus, the marital status of the Udmurt population is analyzed in comparison with the entire population of the Udmurt Republic. According to a number of indicators, the marital status of the Udmurts was better in 1994. For example, the proportion of married people was higher, the proportion of divorced and separated people was lower, and the Udmurts remarried less often compared to all residents of Udmurtia. However, there were more widows among the Udmurt women than among women in the republic. The reasons for this include the consequences of the Great Patriotic War that persist in older generations, as well as the increased mortality rate among Udmurt men. The data obtained indicate that registered marriage was highly valued among the Udmurts, and the proportion of cohabitation was low. The statistical data allow us to draw an unambiguous conclusion about the greater strength of the institution of marriage among the Udmurts.

Keywords: Udmurts, 1994 microcensus, marital behavior, marital status, registered marriages, cohabitation, remarriage

For citation:

Uvarov S. N. Marital behavior of the Udmurts according to the 1994 microcensus. *Nations and religions of Eurasia*. 2025. T. 30, № 3. P. 142–154 (in Russian). DOI 10.14258nreur(2025)3–08.

Uvarov Sergey Nikolaevich, PhD in history, associate professor, head of the department of social and humanitarian disciplines at the Udmurt State Agrarian University, Izhevsk (Russia). Contact address: sergey.uvarov@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6451-9245>.

Введение

Удмурты — один из крупных народов, относящийся к финно-угорской языковой семье. Удмурты довольно компактно проживают в Поволжье и на Урале. Самая большая часть данной этнической общности находится в Удмуртской Республике, где удмурты являются титульным народом. Крупные диаспоры имеются в сопредельных регионах — Татарстане, Башкортостане, Пермском крае, Кировской области, а также Свердловской области. Всего в этих шести субъектах проживает порядка 95 % всех удмуртов России.

Если посмотреть на динамику изменения численности удмуртского населения России, то мы увидим ее рост до 1989 г. и последующее непрерывное падение (рис.).

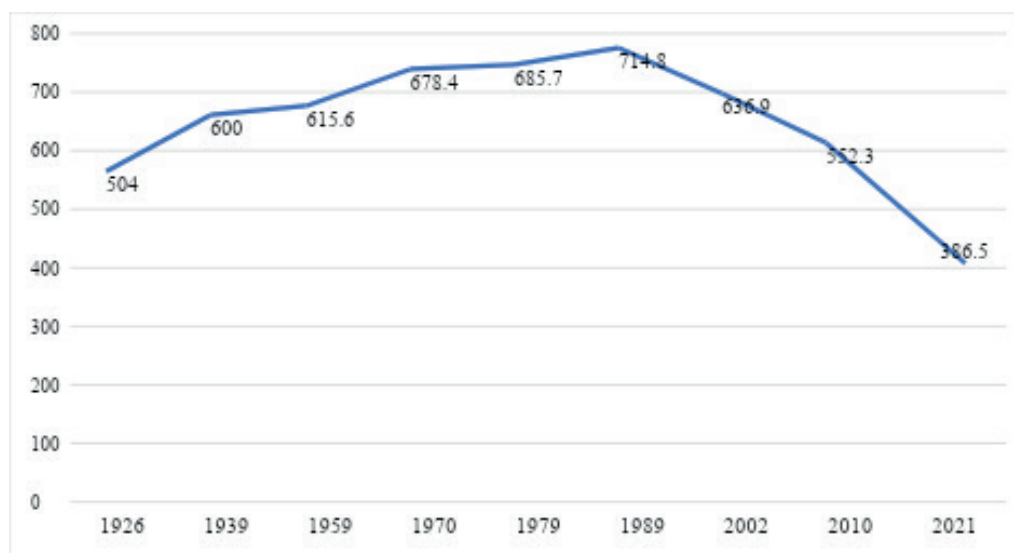

Рис. 1. Численность удмуртов России в 1926–2021 гг., тыс. чел.¹

Fig 1. The number of Udmurts in Russia in 1926–2021, thousand people².

Всего за 1989–2021 гг. численность уменьшилась на 328,3 тыс. чел., или в 1,8 раза. По данным последней переписи в России насчитывалось 386,5 тыс. удмуртов, что составило лишь 0,26% населения страны. В Удмуртии за тот же период численность коренного населения сократилась на 196,6 тыс. чел., то есть в 1,7 раза, а удельный вес в населении республики упал с 30,9 до 20,6%, что является самым минимальным уровнем.

¹ Рисунок составлен по: Итоги ВПН-2020; Распределение населения по национальности.

² The figure is based on: Results of the VPN2020; Distribution of the population by nationality.

нем с момента обретения удмуртами государственности в 1920 г. И если в 1989 г. удмурты находились количественно на десятом месте среди других народов России, то к 2010 г. опустились уже на 13-е место, а к 2021 г. — на 21-е. Даже среди финно-угорских народов в нашей стране удмурты теперь не на втором месте, а на третьем: впереди не только мордва, но еще и марийцы [Итоги ВПН-2020, https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladienie_yazykami].

Уже высказывалось предположение, что такое резкое падение в последний межпереписной период связано с неполнотой учета во время переписи 2020 г. Однако в Удмуртии из не назвавших свою национальность (210,1 тыс. чел.) почти все являлись горожанами (199,0 тыс. чел.), а удмурты в основном проживали в сельской местности [Ажигулова, Уваров, 2024: 463]. Следовательно, мы имеем дело с реальным сокращением численности удмуртов.

Актуальным становится изучение причин сложившейся ситуации. Среди них определенное место занимают перемены в брачном поведении удмуртов, приведшие, в том числе, к снижению рождаемости у них. Под брачным (матримониальным) поведением исследователи понимают совокупность действий, направленных на формирование, поддержание или расторжение брачных отношений как условий для создания семьи. Его элементами выступают:

- заключение брака (неформальных брачных отношений);
- состояние в браке;
- развод и иные формы расторжения брачных отношений;
- готовность к вступлению в брак и мотивация брачности;
- субъективные факторы брачности, например, желаемый доход и иные составляющие социального статуса супруга, самооценка материального положения;
- удовлетворенность состоянием брака;
- готовность и мотивация к разводу;
- объективные факторы брачности и разводимости: например, половозрастная структура общества, обеспеченность жильем, уровень алкоголизации и криминализации населения; уровень доходов населения и др. [Гайдукова, 2024: 234–235].

Очевидно, что на демографических процессах крайне негативно отразились радикальные преобразования, последовавшие после распада СССР. В 1994 г. в России была проведена микроперепись, которая зафиксировала их промежуточные результаты. Традиционно эта перепись содержала блок вопросов, посвященных брачности, дающих представление, в том числе о брачном поведении населения. При этом данный перечень был расширен, учитывались новые брачные состояния. Впервые велся учет незарегистрированных браков. Как и во время предыдущей микропереписи, включен вопрос о повторных браках. Для исследователей это открывает возможность более детально изучить брачное поведение населения, однако работ в данном направлении немного. Особенно недостаточно исследований относительно отдельных народов, в частности, малоизученным является брачное поведение удмуртов.

Семья и брак, брачное поведение населения страны часто становились предметом изучения [Абдульязнов, Рустамова, 2024; Араловец, 2016; Архангельский, 2013; Гурко, 2023; Захаров, 2015; Калачикова, Груздева, 2018; Романенко, 2018; Ростовская,

Кучмаева, 2024; Ростовская, Кучмаева, Архангельский, 2020; Синельников, 2018], этнические особенности — гораздо реже (см. один из немногих примеров: [Абдулманов, 2024]). При разработке материалов микропереписи населения России 1994 г. этнические проблемы стали одними из основных. В перечень национальностей, выделенных для изучения брачности, для которых были рассчитаны таблицы брачности за 1989–1993 гг., вошли и удмурты [Дарский, Ильина, 2000]. Брачному состоянию удмуртов, удмуртской семье также уделялось внимание, но рассматривался либо более ранний период [Лаллукка, 1997; Уваров, 2021], либо более поздний [Борисова, 2010; Поздеев, 2011]. Лишь недавно были введены в научный оборот первые данные микропереписи 1994 г. [Ажигулова, Уваров, 2024; Уваров, 2024]. Поэтому эту работу следует продолжать.

В силу малоизученности темы в статье ставится цель: рассмотреть брачное поведение удмуртов по данным микропереписи 1994 г. В первую очередь, нас интересует такой элемент брачного поведения, как брачное состояние. Источником выступили неопубликованные материалы микропереписи населения 1994 г., извлеченные из Центрального государственного архива Удмуртской республики. Соответственно, они могут помочь изучить брачное поведение удмуртов лишь в Удмуртии. Но поскольку в республике проживает большая часть удмуртского населения страны, то сделанные выводы можно считать относительно справедливыми в отношении всех удмуртов.

Результаты исследования

Поскольку при проведении микропереписи соблюдалась пятипроцентная выборка, то всего было опрошено 81566 чел., из которых 25502 чел. оказались удмуртами (31,2%). Это лишь немногим отличалось от занимаемой ими доли в национальном составе населения Удмуртии. Из них мужчин было 11651 чел. (45,7%), а женщин — 13851 чел. (54,3%). То есть и гендерный признак был точно выдержан.

Сначала проанализируем результаты микропереписи в отношении мужского населения. Подсчеты по выборке показали, что всего в браке состоял 6181 мужчина-удмурт. От числа взрослых (в возрасте 15 лет и старше) удмуртов это составило 71,4% (табл. 1). У мужского населения республики данный показатель равнялся 70,3%. Причем более высокие проценты у удмуртов наблюдались как по официальным бракам (66,2 против 65,4%), так и по сожительству (5,2 против 4,9%). Получается, что в сравнении со всем мужским населением республики удмуртские мужчины были более семейными. Этот вывод подтверждается рядом других показателей. Например, у удмуртов было меньше разведенных — всего 2,0 против 3,5%. Разошедшихся и вдовых тоже было меньше, хотя и не существенно. Разошедшихся (их выделяли отдельно от официально разведенных) у удмуртов было 0,7%, у всех мужчин Удмуртии — 0,8%. Вдовцов-удмуртов имелось 2,3%, у всех мужчин республики — 2,4%. Но при этом никогда не состоявших в браке больше было у удмуртов — 23,5%, у мужской части населения Удмуртии этот показатель имел меньшее значение — 22,9%.

Таблица 1

Брачное состояние у лиц в возрасте 15 лет и старше в Удмуртии*

Table 1

Marital status of persons aged 15 years and older in Udmurtia**

Показатель		Вся республика		Удмурты	
		мужчины	женщины	мужчины	женщины
Всего лиц в возрасте 15 лет и старше, из них:	чел.	27702	34502	8654	10981
Состоит в браке зарегистрированном	чел.	18127	18412	5727	5941
	%	65,4	53,4	66,2	54,1
Состоит в браке незарегистрированном	чел.	1360	1413	454	512
	%	4,9	4,1	5,2	4,7
Никогда не состоявшие в браке	чел.	6340	6469	2033	2145
	%	22,9	18,7	23,5	19,5
Вдовы	чел.	676	5675	199	1864
	%	2,4	16,4	2,3	17,0
Разведенные	чел.	975	2041	174	375
	%	3,5	5,9	2,0	3,4
Разошедшиеся	чел.	219	490	64	143
	%	0,8	1,4	0,7	1,3
Не указавшие состояние в браке	чел.	5	2	3	1

Примечание: *Таблица составлена по: [ЦГА УР. Д. 9. Л. 1, 2, 5, 6].

** The table is compiled according to: [TSGA UR. Fund. 9. File 1, 2, 5, 6].

Как мы уже увидели, большинство отдавало предпочтение официальным бракам. У удмуртов зарегистрированными оказалось 92,7% браков, незарегистрированными — 7,3%. Если рассмотреть только зарегистрированные браки, то для 5471 удмурта (95,5%) он являлся первым по счету, а для 256 чел. (4,5%) — повторным (табл. 2). Что касается незарегистрированных браков, то здесь такого разрыва уже не существовало. У 262 удмурта (57,7%) он был первым, а у 191 чел. (42,1%) — повторным. Получается, что удмурты, находившиеся в повторном браке, не спешили его регистрировать.

У мужчин Удмуртии зарегистрированными являлись 93,0% браков, незарегистрированными — 7,0%. То есть соотношение оказалось практически идентичным имевшемуся у удмуртов, но распределение на первые и повторные браки серьезно различалось. По зарегистрированным бракам для 16785 мужчин (92,6%) он являлся первым по счету, для 1342 чел. (7,4%) — повторным (табл. 2). По незарегистрированным бракам у 744 мужчин республики (54,7%) он был первым, а у 615 чел. (45,2%) — повторным. Таким образом, удмурты реже вступали в повторные браки, в сравнении со всеми жителями Удмуртии.

Таблица 2

**Сравнительная характеристика брачного состояния у мужчин Удмуртии
по данным микропереписи 1994 г.***

Table 2

**Comparative characteristics of the marital status of Udmurt men according
to the micro-census of 1994****

Удмурты-мужчины			
Показатель	все браки	первый брак	повторный брак
Состоящие в браке	6181	5733 (92,8%)	447 (7,2%)
зарегистрированном	5727	5471 (95,5%)	256 (4,5%)
незарегистрированном	454	262 (57,7%)	191 (42,1%)
Все мужчины республики			
Состоящие в браке	19487	17529 (90,0%)	1957 (10,0%)
зарегистрированном	18127	16785 (92,6%)	1342 (7,4%)
незарегистрированном	1360	744 (54,7%)	615 (45,2%)

Примечание: *Таблица составлена по: ЦГА УР. Д. 29. Л. 3, 7.

**The table is compiled according to: TSGA UR. Fund 29. File 3, 7.

Статистическим ведомством также был подсчитан средний возраст по каждому брачному состоянию. Для серьезного анализа только этих данных недостаточно, но они позволяют увидеть определенную картину. У удмуртов-мужчин средний возраст находившихся в зарегистрированном браке равнялся 43,4 лет, в незарегистрированном — 44,8 лет (табл. 3). Никогда не состоявшие в браке в среднем имели возраст 24,8 года, вдовы — 64,1 года, разведенные — 41,5 года, разошедшиеся — 42,2 года.

Таблица 3

**Средний возраст по категориям брачного состояния в Удмуртии
по данным микропереписи 1994 г.***

Table 3

**The average age by category of marital status in Udmurtia
according to the micro-census of 1994****

Показатель	Вся республика		Удмурты	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины
Состоит в браке зарегистрированном	44,2	42,6	43,4	41,7
Состоит в браке незарегистрированном	44,1	43,4	44,8	45,1
Никогда не состоявшие в браке	23,8	30,5	24,8	36,2
Вдовы	64,3	67,1	64,1	65,7
Разведенные	42,3	46,2	41,5	45,6
Разошедшиеся	42,7	50,0	42,2	51,5

Примечание: *Таблица составлена по: [ЦГА УР. Д. 9. Л. 1, 2, 5, 6].

**The table is compiled according to: [TSGA UR. Fund 9. File 1, 2, 5, 6].

Эти цифры схожи с теми, которые характеризуют мужчин республики в целом. Самая большая разница наблюдалась у никогда не состоявших в браке — ровно один год. Находившиеся в зарегистрированном браке удмурты были моложе на 0,8 года, что, скорее всего, говорит не о более ранней женитьбе, а о меньшем времени нахождения в семейном союзе. Дело в том, что удельный вес официально женатых среди 15–19-летних юношей республики составлял 2,1%, среди 20–24-летних — 37,1%. У удмуртских мужчин было даже меньше: 1,1% и 35,0% [ЦГА УР. Д. 9. Л. 1, 5].

Проанализируем результаты микропереписи в отношении женского населения. Согласно пятипроцентной выборке, в 1994 г. в браке состояло всего 6453 удмуртские женщины. От числа взрослых (в возрасте 15 лет и старше) удмурток это 58,8% (см. табл. 1). У женского населения республики данный показатель равнялся 57,5%. Как и у мужчин, более высокие проценты у удмурток наблюдались и по официальным бракам (54,1 против 53,4%), и по сожительству (4,7 против 4,1%). Следовательно, в сравнении со всем женским населением республики удмуртки также были более семейными. К тому же у удмурток было меньше разведенных — всего 3,4 против 5,9%, разошедшихся — 1,3 против 1,4%.

Однако среди удмурток больше было вдов — 17,0%, у всех женщин республики — 16,4%. Среди причин — сохраняющиеся для старших поколений последствия Великой Отечественной войны, а также повышенная смертность удмуртских мужчин [Уваров, 2024: 264].

Больше было у удмурток никогда не состоявших в браке — 19,5%, у женской части населения Удмуртии этот показатель имел меньшее значение — 18,7%.

У удмурток зарегистрированными оказалось 92,1% браков, незарегистрированными — 7,9%. Если рассмотреть только зарегистрированные браки, то для 5941 женщины-удмуртки (93,5%) он являлся первым по счету, а для 389 чел. (6,5%) — повторным (табл. 4). Еще 512 браков считались незарегистрированными, в них впервые состояли 256 удмурток и 255 — повторно.

Таблица 4

**Сравнительная характеристика брачного состояния у женщин Удмуртии
по данным микропереписи 1994 г., чел. (%)**

Table 4

**Comparative characteristics of the marital status of Udmurt women,
according to the micro-census of 1994**

Удмуртки			
Показатель	Все браки	Первый брак	Повторный брак
Состоящие в браке	6453	5808 (90,0)	644 (10,0)
зарегистрированном	5941	5552 (93,5)	389 (6,5)
незарегистрированном	512	256 (50,0)	255 (50,0)
Все женщины республики			
Состоящие в браке	19825	17556 (88,6)	2268 (11,4)
зарегистрированном	18412	16883 (91,7)	1529 (8,3)
незарегистрированном	1413	673 (47,6)	739 (52,3)

Примечание: *Таблица составлена по: [ЦГА УР. Д. 29. Л. 15, 19]

**The table is compiled according to: [TSGA UR. Fund 29. File 15, 19]

У женщин Удмуртии зарегистрированными являлись 92,9% браков, незарегистрированными — 7,1%. По зарегистрированным бракам для 16883 женщин (91,7%) он являлся первым по счету, для 1529 чел. (8,3%) — повторным. По незарегистрированным бракам у 673 женщин Удмуртской республики (47,6%) он был первым, а у 739 чел. (52,3%) — повторным. Таким образом, удмуртки, как и мужчины, тоже реже вступали в повторные браки в сравнении со всеми женщинами Удмуртии.

У удмуртских женщин средний возраст находившихся в зарегистрированном браке равнялся 41,7 лет, в незарегистрированном — 45,1 года (см. табл. 3). Никогда не состоявшие в браке в среднем имели возраст 36,2 года, вдовы — 65,7 года, разведенные — 45,6 года, разошедшиеся — 51,5 года. По сравнению с женщинами республики наблюдались заметные отличия. Например, разошедшиеся удмуртки были старше на 1,5 года. Никогда не состоявшие в браке удмуртки были старше таких же женщин республики на 5,7 года, но эта разница возникла в основном за счет старших возрастов (старше 60 лет) [ЦГА УР. Д. 9. Л. 6], которые не смогли выйти замуж из-за потерь во время Великой Отечественной войны.

Отметим, что удмуртские вдовы были значительно моложе — на целых 1,4 года. Моложе были и состоящие в зарегистрированном браке (на 0,9 года). Последние факты, по всей видимости, подтверждают наше предположение о меньшем времени нахождения в семейном союзе из-за преждевременной смерти удмуртских мужей.

Заключение

Полученные результаты показали, что у удмуртов, как и у населения Удмуртии в целом, преобладали официальные браки, доля сожительства была небольшой. По целому ряду показателей в 1994 г. брачное состояние у удмуртов было лучше, чем у населения Удмуртии в целом. Например, выше была доля состоящих в браке, меньше был удельный вес разведенных и разошедшихся, удмурты реже вступали в повторные браки в сравнении со всеми жителями Удмуртии. Правда, среди удмурток больше было вдов, чем у женщин республики. Среди причин — сохраняющиеся для старших поколений последствия Великой Отечественной войны, а также повышенная смертность удмуртских мужчин. Статистические сведения позволяют сделать однозначный вывод о большей крепости института брака у удмуртов. Соответственно, в сокращении численности удмуртов после 1989 г. больше виноваты ассимиляционные процессы.

Благодарности и финансирование

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23–28–01604, <https://rscf.ru/project/23–28–01604/>.

Acknowledgements and funding

The research was funded by the Russian Science Foundation (project No. 23–28–01604), <https://rscf.ru/en/project/23–28–01604/>.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Абдулманапов П. Г. Этнорегиональные особенности демографического поведения (по материалам социологического исследования) // Региональные проблемы преобразования экономики. 2024. № 7. С. 133–141.

Абдульзянов А. Р., Рустамова Г. М. Брачное и репродуктивное поведение современной российской молодёжи // Народо́население. 2024. Т. 27. № S1. С. 94–106.

Ажигулова А. И., Уваров С. Н. Брачная структура населения Удмуртии в 1989–2021 гг. // Финно-угорский мир. 2024. Т. 16. № 4. С. 459–470.

Ажигулова А. И., Чернышева Н. В., Уваров С. Н. Динамика брачного состояния удмуртов Удмуртии в 1959–1989 гг. // Финно-угорский мир. 2023. Т. 15. № 3. С. 301–309.

Араловец Н. А. Брачное поведение российского населения в 1960–1970-е гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2016. Т. 23. № 1. С. 35–39.

Архангельский В. Н. Репродуктивное и брачное поведение // Социологические исследования. 2013. № 2. С. 129–136.

Борисова О. А. Особенности брачного поведения населения Удмуртской Республики // Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2010. № 1. С. 75–79.

Гайдукова Г. Н. Моделирование брачного и семейного поведения сельского населения: статистический и социологический анализ // Научный результат. Социология и управление. 2024. Т. 10. № 4. С. 226–244.

Гурко Т. А. Семейные факторы репродуктивного поведения // Социологические исследования. 2023. № 12. С. 72–82.

Дарский Л. Е., Ильина И. П. Брачность в России. Анализ таблиц брачности. М. : Информатика, 2000. 144 с.

Захаров С. В. Браки и разводы в современной России // Демоскоп Weekly. 2015. № 625–626. С. 1–5.

Итоги ВПН-2020. Т. 5: Национальный состав и владение языками // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami (дата обращения: 30.04.2025).

Калачикова О. Н., Груздева М. А. Изменения репродуктивного и брачного поведения населения России (на основе анализа выборочных исследований Росстата) // Социальное пространство. 2018. № 2. С. 1.

Лаллукка С. Восточно-финские народы России: анализ этнодемографических процессов. СПб. : Европейский Дом, 1997. 391 с.

Поздеев И. Л. Особенности демографического поведения финно-угорской молодежи // Вестник Оренбургского государственного университета. 2011. № 4. С. 39–45.

Распределение населения по национальности // Демоскоп. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census_types.php?ct=6 (дата обращения: 30.04.2025).

Романенко Н. М. Теоретико-методологические основы брачно-репродуктивного поведения молодежи: история и современность // Известия Южного федерального университета. Педагогические науки. 2018. № 3. С. 39–46.

Ростовская Т. К., Кучмаева О. В. Демографическая структура семьи: генезис методологического подхода // Женщина в российском обществе. 2024. № 1. С. 56–74.

Ростовская Т. К., Кучмаева О. В., Архангельский В. Н. Поколенческие изменения брачного поведения россиян: социологический анализ // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2020. № 11. С. 45–53.

Синельников А. Б. Семья и брак: кризис или модернизация? // Социологический журнал. 2018. Т. 24. № 1. С. 95–113.

Уваров С. Н. Брачно-семейные отношения у удмуртов России во второй половине XX — начале XXI века // Вестник антропологии. 2024. № 4. С. 254–268.

Уваров С. Н. Удмуртская семья в 1959–1989 гг.: демографический аспект // Ежегодник финно-угорских исследований. 2021. Т. 15. № 1. С. 127–138.

Центральный государственный архив Удмуртской Республики (далее — ЦГА УР). Ф. Р-845. Оп. 27. Д. 9.

Центральный государственный архив Удмуртской Республики (далее — ЦГА УР). Ф. Р-845. Оп. 27. Д. 29.

REFERENCES

Abdulmanapov P. G. Etnoregional'nye osobennosti demograficheskogo povedeniia (po materialam sotsiologicheskogo issledovaniia) [Ethnoregional features of demographic behavior (based on sociological research)]. *Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki* [Regional problems of economic transformation]. 2024, no. 7, pp. 133–141 (in Russian).

Abdul'zyanov A. R, Rustamova G. M. Brachnoe i reproduktivnoe povedenie sovremennoi rossiiskoi molodezhi [Marital and reproductive behavior of modern Russian youth]. *Narodonaselenie* [Population]. 2024, vol. 27, no. S1, pp. 94–106 (in Russian).

Aralovets N. A. Brachnoe povedenie rossiiskogo naseleniia v 1960–1970-e gg. [Marital behavior of the Russian population in the 1960–1970s]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri* [Humanities in Siberia]. 2016, vol. 23, no. 1, pp. 35–39 (in Russian).

Arkhangel'skii V. N. Reproductivnoe i brachnoe povedenie [Reproductive and marital behavior]. *Sotsiologicheskie issledovaniia* [Sociological research]. 2013, no. 2, pp. 129–136 (in Russian).

Azhigulova A. I., Chernysheva N. V., Uvarov S. N. Dinamika brachnogo sostoianiya udmurtov Udmurtii v 1959–1989 gg. [Dynamics of the marital status of the Udmurts of Udmurtia in 1959–1989]. *Finno-ugorskii mir* [Finno-Ugric world]. 2023, vol. 15, no. 3, pp. 301–309 (in Russian).

Azhigulova A. I., Uvarov S. N. Brachnaya struktura naseleniia Udmurtii v 1989–2021 gg. [Marriage structure of the population of Udmurtia in 1989–2021]. *Finno-ugorskii mir* [Finno-Ugric world]. 2024, vol. 16, no. 4, pp. 459–470 (in Russian).

Borisova O. A. Osobennosti brachnogo povedeniia naseleniia Udmurtskoi Respubliki [Features of marital behavior of the population of the Udmurt Republic]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Filosofii. Psikhologii. Pedagogika* [Bulletin of the Udmurt University. Series Philosophy. Psychology. Pedagogy]. 2010, no. 1, pp. 75–79 (in Russian).

Darskii L. E., Il'ina I. P. *Brachnost' v Rossii. Analiz tablits brachnosti* [Marriage in Russia. Analysis of Marriage Tables]. Moscow: Informatika Publ., 2000, 144 p. (in Russian).

Gaidukova G. N. Modelirovanie brachnogo i semeinogo povedeniia sel'skogo naseleniia: statisticheskii i sotsiologicheskii analiz [Modeling of marital and family behavior of the rural population: statistical and sociological analysis]. *Nauchnyi rezul'tat. Sotsiologiya i upravlenie* [Scientific result. Sociology and management]. 2024, vol. 10, no. 4, pp. 226–244 (in Russian).

Gurko T.A. Semeinye faktory reproduktivnogo povedeniya [Family factors of reproductive behavior]. *Sotsiologicheskie issledovaniia* [Sociological research]. 2023, no. 12, pp. 72–82 (in Russian).

Itogi VPN-2020. Tom 5. Natsional'nyi sostav i vladenie iazykami [Results of the All-Russian Population Census-2020. Volume 5. National composition and language proficiency]. *Federal'naya sluzhba gosudarstvennoi statistiki* [Federal State Statistics Service]. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Natsionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami (accessed April 30, 2025) (in Russian).

Kalachikova O. N., Gruzdeva M. A. Izmeneniya reproduktivnogo i brachnogo povedeniia naseleniya Rossii (na osnove analiza vyborochnykh issledovaniy Rosstat) [Changes in the reproductive and marital behavior of the population of Russia (based on the analysis of sample studies of Rosstat)]. *Sotsial'noe prostranstvo* [Social space]. 2018, no. 2, p. 1 (in Russian).

Lallukka S. *Vostochno-finskie narody Rossii: analiz etnodemograficheskikh protsessov* [The East Finnish peoples of Russia: analysis of ethnodemographic processes]. Saint Petersburg: Evrop. Dom Publ., 1997, 391 p. (in Russian).

Pozdeev I. L. Osobennosti demograficheskogo povedeniya finno-ugorskoj molodezhi [Features of the demographic behavior of the Finno-Ugric youth]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Orenburg State University]. 2011, no. 4, pp. 39–45 (in Russian).

Raspredelenie naseleniia po natsional'nosti [Distribution of population by nationality]. *Demoskop* [Demoscope] URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census_types.php?ct=6 (accessed April 30, 2025) (in Russian).

Romanenko N. M. Teoretiko-metodologicheskie osnovy brachno-reproduktivnogo povedeniya molodezhi: istoriia i sovremennost' [Theoretical and methodological foundations of marital and reproductive behavior of young people: history and modernity]. *Izvestiia Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Pedagogicheskie nauki* [Bulletin of the Southern Federal University. Pedagogical sciences]. 2018, no. 3, pp. 39–46 (in Russian).

Rostovskaya T. K., Kuchmaeva O. V. Demograficheskaya struktura sem'i: genezis metodologicheskogo podkhoda [Demographic structure of the family: genesis of the methodological approach]. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve* [Woman in Russian society]. 2024, no. 1, pp. 56–74 (in Russian).

Rostovskaya T. K., Kuchmaeva O. V., Arkhangel'skii V. N. Pokolencheskie izmeneniya brachnogo povedeniya rossiian: sotsiologicheskii analiz [Generational Changes in Marital Behavior of Russians: A Sociological Analysis]. *Alma Mater (Vestnik vysshei shkoly)* [Alma Mater (Herald of the Higher School)]. 2020, no. 11, pp. 45–53 (in Russian).

Sinel'nikov A. B. Sem'ya i brak: krizis ili modernizatsiya? [Family and Marriage: Crisis or Modernization?]. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological Journal]. 2018, vol. 24, no. 1, pp. 95–113 (in Russian).

Tsentrāl'nyi gosudarstvennyi arkhiv Udmurtskoi Respubliki [Central State Archives of the Udmurt Republic]. Fund R-845. Inventory 27. File 9.

Tsentrāl'nyi gosudarstvennyi arkhiv Udmurtskoi Respubliki [Central State Archives of the Udmurt Republic]. Fund R-845. Inventory 27. File 29.

Uvarov S. N. Brachno-semeinye otnosheniya u udmurtov Rossii vo vtoroi polovine XX — nachale XXI veka [Marital and Family Relations among the Udmurts of Russia in the Second Half of the Twentieth — Early Twenty-first Century]. *Vestnik antropologii* [Bulletin of Anthropology]. 2024, no. 4, pp. 254–268 (in Russian).

Uvarov S. N. Udmurtskaia sem'ya v 1959–1989 gg.: demograficheskii aspekt [Udmurt Family in 1959–1989: Demographic Aspect]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovani* [Yearbook of Finno-Ugric Studies]. 2021, vol. 15, no. 1, pp. 127–138 (in Russian).

Zakharov S. V. Braki i razvody v sovremennoi Rossii [Marriages and divorces in modern Russia]. *Demoskop Weekly* [Demoscope Weekly]. 2015, no. 625–626, pp. 1–5 (in Russian).

Статья поступила в редакцию: 11.05.2025

Принята к публикации: 28.08.2025

Дата публикации: 30.09.2025